

КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

Галина Штеле

«Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых».

(1 Кор. 9:19 — 20, 22б)

«Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого».

(1 Кор. 2:2)

За последние два десятилетия уходящего двадцатого века в различных сферах церковной деятельности все чаще и чаще говорится о контекстуализации. Некогда звучавший странно и необычно, теперь этот термин уже прочно вошел в религиозный лексикон и стал общепринятым для ученых, работающих в сфере миссиологии и евангелизации. Широко используя в своих статьях и научных трудах слово «контекстуализация», антропологи, миссиологи и евангелисты подчеркивают необходимость правильного применения того, что стоит за этим понятием. Итак, что же включает в себя понятие «контекстуализации»? Какие существуют подходы к контекстуализации? Что можно сказать о возможных последствиях этого процесса? Наконец, что необходимо учитывать, чтобы правильно применить ее принципы на практике?

В данной статье мы попытаемся ответить на поставленные вопросы, уделив внимание рассмотрению культурологического аспекта поднятой проблемы.

Что такое контекстуализация?

Острая необходимость контекстуализации евангельской вести стала очевидной прежде всего в процессе обращения людей в христианскую веру. Поэтому мы и обратимся к миссиологам за помощью в определении этого понятия. Одним из ведущих авторитетов в данной области является Дейвид Хесселгрейв. Вот его определение контекстуализации, данное им в начале 80-х годов: «Контекстуализация – это процесс адаптации сторонниками той или иной религиозной веры формы и содержания этой веры с целью привлечения к ней как представителей другой культуры, так и представителей нового поколения внутри собственной изменяющейся культуры»¹. Другими словами, контекстуализация – это прежде всего попытка приспособить весть и жизнь церкви к культурным особенностям данного народа. Но здесь возникает вопрос: а что же входит в понятие «культура»?

Что такое культура?

Существует множество различных определений слова «культура». И, наверное, каждый из нас под этим словом подразумевает нечто свое, неразрывно связанное с его происхождением, воспитанием, образом жизни, страной, народом, религией. Давайте посмотрим на это понятие с точки зрения тех людей, которые имеют непосредственное отношение к изучению процесса накопления, формирования и развития культурных ценностей. Прежде всего обратимся к традиционным словарным определениям.

Согласно словарю иностранных слов «культура (лат. cultura) – [это] совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеческим обществом и характеризующих определенный уровень развития общества ...»²

Философский энциклопедический словарь несколько расширяет это определение. Мы узнаем, что латинское слово *cultura* означает возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание. Говорится, что культура – это «специфичный способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. . . . Культура характеризует также особенности поведения, сознания и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни (К. труда, К. быта, художественная К., политическая К.)»³.

¹ David J. Hesselgrave, «Contextualization and Revelational Epistemology» in *Hermeneutics, Inerrancy, and the Bible*, ed. Earl D. Radmacher and Robert D. Preus (Grand Rapids, MI: Zondervan Publishing House, Academic Books, 1984), 694.

² Словарь иностранных слов. М. Рус. яз. 1984. С. 266.

³ Философский энциклопедический словарь. М. Советская энциклопедия. 1983. С. 292.

Исходя из приведенных выше определений, культура – это очень комплексное понятие. Но возможно ли его представить в виде каких-либо более доступных схем? Давайте обратимся за помощью к таким ученым, как Пол Гиберт, Ллойд Кваст, Брюс Николлс, Линвуд Барни и Хумберто Раси, изучающим антропологию, миссиологию и вопросы образования.

Вначале рассмотрим, что говорит о культуре ученый-антрополог Пол Гиберт. Подчеркивая какое сильное воздействие оказывает культура на наше восприятие мира, он приводит иллюстрацию с очками, которые имеют окрашенные стекла. Подобно этим очкам, наша культура определяет то, в каком свете и что мы видим, подчас даже сами этого не осознавая. «Только когда загрязняются стекла или когда мы одеваем другие очки, — говорит Пол Гиберт, — мы начинаем осознавать ту силу, которая формирует наше восприятие мира»⁴. Но иллюстрация с очками, хотя и отражает высокую степень влияния культуры на людей, в то же самое время не раскрывает составных частей культуры. Разрабатывая этот вопрос дальше, Гиберт пишет, что культура – это «более или менее интегрированные системы идей, чувств и ценностей, а также связанные с ними модели поведения и продукции, которыми пользуется группа людей, регулирующая и организующая свои мысли, чувства и действия»⁵. Для пояснения ученый предлагает диаграмму в виде трех, помещенных друг в друга треугольников, каждый из которых соответственно представляет один из трех аспектов культуры.

Ī áðáúé внешний треугольник – это интеллектуальная сфера и мыслительная деятельность народа, которая выражается в накапливаемых и передаваемых знаниях этого народа, его мудрости, науке, верованиях. Причем накопленные культурой знания гораздо шире, чем мыслительные категории, которыми пользуются люди, поскольку сюда относятся как устоявшиеся понятия, так и предположения об окружающей реальности. Знания могут передаваться и сохраняться двумя основными путями: это печатное слово и устные формы, что в свою очередь также характеризует культуру народа как более или менее развитую. Достижения народа в интеллектуальной сфере выражаются не только в абстрактных положениях, но прежде всего оказывают влияние на практическую жизнь и поведение данной группы. Именно культура учит людей, каким образом готовить пищу, строить здания, растить урожай, воспитывать детей, управлять страной, относиться к происходящему вокруг и т. д.

Àòĭđĭé, помещенный в первый, треугольник представляет эмоциональную сферу данной группы людей, то есть их чувства, понятие пре-

⁴ Философский энциклопедический словарь, 31.

⁵ Paul G. Hiebert, *Anthropological Insights for Missionaries* (Grand Rapids, MI: Baker Book House, 1985), 30.

красного и отношение к нему. Это выражается и в стиле одежды, и в особенностях диеты, и в способах проявления радости, горя и других эмоций. Все это составляет важный пласт культуры, выраженный в устных и письменных памятниках народного творчества, сувенирных изделиях и предметах быта, живописи и других видах искусства, кулинарии, праздничных, религиозных и траурных ритуалах и традициях, архитектуре, музыке, пении, народных танцах, жестах, речевой интонации и т. д.

По своему отношению к выражению эмоций культуры можно было бы условно поделить, во-первых, на те, которые поощряют полное выражение эмоций, во-вторых те, которые поощряют их подавление, и наконец на те, в которых нормой считается баланс между двумя крайностями. Если же говорить о тех формах, которые принимает духовная жизнь представителей определенной культуры, то в одних случаях подчеркивается важность медитации, мистицизма, то есть проповедуются приобщение к высшим формам; в других указывается на путь самоотвержения и даже самоистязания, то есть происходит то, что можно было бы определить как принижение личности; в иных предпочтение отдается тому, чтобы в пении, молитвах и других ритуалах человек оставался самим собой.

Область, наименьший треугольник, отражает сферу ценностей данной общности людей. На основе этих ценностей отношения и поступки людей признаются правильными или аморальными, одно считается почетным, другое – обыденным, третье – незаконным. Именно эта шкала определяет, во что верят люди, что они считают верным или ложным, прекрасным или безобразным, что они призывают любить, а что ненавидеть. Ценности народа также определяют его общие цели или ориентиры на будущее.

Развивая понятие о культуре дальше, Гиберт подчеркивает, что все три составных слоя культуры кроме того, что выражаются в поведении человека, составляют самую суть его мировоззрения, которое в свою очередь непосредственным образом влияет на формирование различных институтов и сфер общественной жизни данного народа (таких, например, как политика, экономика, религия, судопроизводство, социальные институты и организации, искусство и т. д.)⁶.

Что же дает нам это знание о трех составляющих культуры? Прежде всего оно помогает евангелистам не забывать о том, что все видимые формы и предметы данной культуры являются всего лишь «дверями» к сердцам и умам людей. Тем не менее они «не являются независимыми составляющими культуры, они тесно связаны с идеями, чувствами и ценностями, которые находятся в людях»⁷. Кроме того, решая проблемы,

⁶Hiebert, 46.

⁷Там же, 37.

связанные с контекстуализацией, служителю важно помнить, с одной стороны, о неразрывности формы и содержания, и с другой – о способности людей, меняя форму или модель поведения, сохранять сформированное за многие годы мировоззрение. В этой связи Гиберт призывает помнить о том, что все, с чем мы сталкиваемся в культуре какого-либо народа, – это прежде всего форма, и успех церковных деятелей будет в большей степени зависеть от того, сумеют ли они в этой форме увидеть те идеи, эмоции и ценности, которые были вложены в нее. Евангелие, в свою очередь, должно оказать действие также на все эти сферы. Перемены, происходящие в жизни людей, принимающих евангельскую весть, должны распространиться на все три составляющих культуры. При обращении недостаточно, чтобы человек только принял знание о том, что Христос есть Сын Божий и Спаситель, необходима еще вера в это и жизнь согласно новым ценностям. В протестантских церквях очень часто большое внимание уделяется когнитивному аспекту – проповедованию и изучению Писания, в то время как в тени остается сфера эмоций человека. Гиберт подчеркивает, что обыденная жизнь человека так или иначе представляет собой выражение его эмоциональной сферы. Люди «выбирают одежду, готовят пищу и покупают машины, руководствуясь при этом чувствами в такой же степени, что и разумом»⁸. Но имеют ли они возможность выражать себя в церкви?

Автором следующей модели культуры, с которой мы познакомимся, является Лойд Кваст – известный миссиолог, преподававший различные предметы из этой области в ряде учебных заведений на протяжении более пятнадцати лет. Он предлагает диаграмму культуры в виде четырех окружностей:

1. Первая окружность – поведение, то есть то, что люди делают и что очевидно для всякого общающегося с представителями какого-либо народа. Но любое поведение – это нечто большее, чем просто действия человека. Именно на это указывает наличие второй, меньшей в диаметре окружности.

2. Ценности, скрыто или явно проявляющиеся в поведении человека, составляют второй слой культуры: что считать добром, а что злом, что должно делать, а чего нельзя. В этих ценностях обычно раскрывается суть того, что заключено в следующей окружности:

3. Верования и убеждения – вот что содержит в себе третья окружность. Другими словами, речь идет о том, что считается истинным в данной культуре. Кваст предлагает разделить верования на 2 группы: во-первых, верования в действии, то есть те, которые влияют на ценности и

⁸Hiebert, 35.

поведение человека и, во-вторых теоретические верования, то есть те, которые хотя и общеизвестны, но не оказывают должного практического влияния на ценности и поведение человека.

4. Мировоззрение – четвертая внутренняя окружность – это центр всего того, что составляет культуру. Мировоззрение отвечает на вопрос: что есть реальность? Или, если рассматривать этот вопрос подробнее, как это делают Брайн Уолш и Ричард Миддлетон, можно увидеть в нем попытку найти ответ на четыре других основных вопроса: кто я? (природа и смысл существования человека); где я? (природа вселенной, в которой живет человек); что неправильно? (объяснение страданий, зла и других препятствий для самореализации человека); где разрешение? (пути решения проблемы зла и поиска собственной самореализации). И действительно, в конечном счете именно ответы на эти вопросы определяют, во что мы верим, что считаем добром и злом и как ведем себя⁹.

Брюс Николлс и Линвуд Барни предлагают еще одну модель того, что есть культура. Это – четырехступенчатая диаграмма в виде перевернутой пирамиды. В основании пирамиды – мировоззрение человека/народа, его космология и идеология. Следующая часть, базирующаяся на первой, представляет собой ценности людей. Третья – широкую сеть различных институтов (брак, закон, образование и т. д.). Четвертая, венчающая пирамиду часть, указывает на поведение и обычаи человека, наблюдаемые в данной культуре¹⁰.

Последняя модель, с которой мы познакомимся в данной работе, – это модель Хумберта Раси, которую он предлагает в своей статье «Мировоззрение, современная культура и адвентистское образование»¹¹. Говоря о культуре и мировоззрении человека, в качестве иллюстрации он рисует луковицу. Проводя параллель между многослойной структурой луковицы и культурой, он предлагает рассматривать последнюю как явление комплексное, состоящее из 7 слоев. Первый наружный слой – это поведение и привычки; за ним идет второй – обычаи народа и традиции; третий слой – это достижения в духовной сфере, материальные изобретения и производимая продукция; четвертый слой представляет собой законы и общественные институты; пятый слой – это верования и ценности; шестой – мировоззрение человека; но за мировоззрением находится средоточие всего – вера.

⁹Lloyd Kwast, «Understanding Culture» in *Perspectives on the World Christian Movement*, ed. Ralph D. Winter and Steven C. Hawthorne (Pasadena, CA: William Carey Library, 1981), 361 – 363.

¹⁰David J. Hesselgrave and Edward Rommen. *Cotextualization: Meanings, Methods, and Models*. (Grand Rapids, MI: Baker Book House, 1989), 52 – 53.

¹¹Humberto M. Rasi, «Worldviews, Contemporary Culture and Adventist Education». Лекция, прочитанная на 22 семинаре «Интеграция веры и познания». Австрия, 1998.

Подводя итог, необходимо заметить, что все эти ученые пытаются показать одно: культура – это многоуровневое понятие, а поведение и традиции людей – это всего лишь внешний, видимый ее слой. И очень важно учитывать, что за любой формой или традицией данного народа неизменно стоят идеи, а также связанные с ними эмоции, ценности, убеждения и, наконец, мировоззрение человека. Поэтому в миссионерской деятельности очень важно рассматривать каждую форму и традицию прежде всего с точки зрения того мировоззрения, которое получает именно такое выражение. В этой связи следует спросить: какие идеи отражаются в той или иной культурной форме? Что это говорит о мировоззрении представителя данной культуры? В каком отношении находится это мировоззрение с принципами Слова Божия? И поскольку средоточием культуры является мировоззрение человека, главная задача любого служителя Евангелия прежде всего состоит в том, чтобы не только найти знакомую форму для данной культуры, но и в том, чтобы ложные установки в сознании человека заменить на те, которые открыты в Священном Писании. Кваст отмечает: «Иногда новая или превосходящая старую система верований представлена человеку, но его мировоззрение не ставится под вопрос и остается неизменным. Поэтому его ценности и поведение будут отражать старую систему верований. Иногда люди, которые несут Евангелие в другую культуру, не принимают в расчет проблему мировоззрения, и естественно, они разочарованы тем, что их усилия не привели к подлинной перемене»¹².

Три подхода к контекстуализации

Каждый, кто хоть однажды сталкивался с необходимостью контекстуализации веры, неизменно должен был искать ответ на вопрос: каким путем идти? Сохранять ли старые привычные для народа формы, видоизменять ли их или полностью отменить все, что связано с прежним образом жизни, дав взамен нечто совершенно новое, но принятое приверженцами данной веры в других частях мира?

Практически какие бы пути не искал евангелист или пастор, он очень скоро осознает, что у него только три выбора. Пол Гиберт перечисляет их: отрицание контекстуализации, критическая контекстуализация и некритическая контекстуализация¹³. Давайте рассмотрим эти три подхода более детально.

Первый подход объединяет тех евангелистов и миссионеров, которые не видят нужды в том, чтобы адаптировать весть Евангелия к культуре

¹²Kwast, 364.

¹³Hiebert, 184 – 190.

данного населения. Обычно человеку предлагается полностью порвать с прошлым, что неизменно приводит к разрыву не только с его прошлой религией, но и родными, знакомыми и вообще всем привычным укладом жизни. Это в свою очередь приводит к тому, что, во-первых, Евангелие воспринимается как иностранная религия и, во-вторых, значимые для человека формы и традиции очень часто продолжают «подпольно» практиковаться, что неизбежно приводит к синкретизму.

Где же в нашей практике наблюдается применение этого подхода? Прежде всего нужно отметить, что такой подход отличает многих зарубежных евангелистов. Хотя нельзя всех трудившихся на этом поприще благовестников записывать в одну группу, тем не менее очень часто наблюдалась именно такая картина. Конечно, необходимо иметь в виду и то, что, пожалуй, никто не свободен от данной тенденции – привносить в другую культуру близкие ему религиозные формы, при этом искренне веря и даже настаивая на том, что именно они точнее всего отражают суть Евангелия. Поэтому нужно сказать, что не только миссионеры из Америки, Германии, Австралии и других стран совершают много ошибок в этой области, но также и наши собственные евангелисты и пасторы склонны поступать похожим образом, сталкиваясь с православной, мусульманской и другими культурами.

Печально, если евангелист сознательно или неосознанно избирает этот подход и его программа проводится без учета определенных особенностей, скажем, как, русского народа в целом, так и специфики культурной жизни отдельных городов России. Например, если в Санкт-Петербурге, ведущем центре искусства, научной и просветительной деятельности, евангельская кампания проводится точно также, как и в любом другом населенном пункте страны, то при этом забывается простая истина, а именно: культура этого города совершенно иная. То, что может удовлетворить уровень жителей провинциального городка, едва ли встретит надлежащий отклик со стороны жителей Санкт-Петербурга. К этой же категории примеров «отрицания контекстуализации» можно было бы отнести и оформление евангельских программ музыкальными номерами, соответствующими скорее дешевой эстраде, а не религиозному собранию, которое в русской культуре неизменно сопряжено с классической формой духовных музыкальных произведений. Или другой пример – отрицание необходимости учета культурных особенностей исламских народов. Не секрет, что в течение долгого времени людям, обращенным из коренного населения, предлагалась лишь одна альтернатива поклонения Богу: в зданиях, внутренним интерьером и архитектурой отвечающих европейским стандартам, и согласно тому порядку, который привычен для человека европейской культуры. Конечно, те,

кто идет в евангельской деятельности этим путем, могут быть движимы очень благородной целью – поменять мировоззрение человека. Но проблема состоит в том, что они пытаются «добраться» к средоточию культуры, минуя при этом все предыдущие слои.

Второй подход к контекстуализации – критическая контекстуализация – представляет собой более комплексный, состоящий из четырех ступеней процесс. Сначала собирается необходимая информация о данной культуре, ее формах и традициях. Очень важно на этом первом этапе провести «расчленение» формы от содержания или, другими словами, увидеть находящуюся за данной формой поведения или богопочтения идею. Очень часто бывает так, что форма кажется на первый взгляд достаточно безобидной, в то время как кроющаяся за ней идея может быть прямо противоположна евангельскому учению.

Затем идет изучение библейских принципов, имеющих непосредственное отношение к таким культурным формам. На этом этапе важно искать в Священном Писании ответ именно на эту, зашифрованную в данной форме идею. Что говорит Писание по этому поводу, есть ли прямое указание относительно данной практики или стоящей за ней идеи? Если в Библии не встречается именно эта идея, следует искать те принципы, которыми можно было бы руководствоваться при ее анализе. Если же в Священном Писании дается оценка этой идее, следует посмотреть какая именно: позитивная, негативная или для библейского автора этот вопрос не имел существенного значения.

После этого дается критическая оценка того или иного слагаемого культуры в свете открытых в Писании принципов. Фактически этот третий шаг является логическим завершением первых двух. Определив позицию Библии по этому вопросу, необходимо решить, что именно в данной форме сопряжено с рассматриваемой идеей и, следовательно, совпадает или расходится с позицией библейских авторов.

Наконец, четвертый шаг предполагает создание новой, контекстуализированной формы. Если форма не противоречит учению Библии, но близка народу данной культуры, она может сохраняться без ущерба для нового мировоззрения. Если же идея нуждается в корректировке, то, естественно, и форма, оставаясь, должна претерпеть определенные изменения.

Очевидно, что последователи критической контекстуализации озабочены не только тем, чтобы ложные установки человека заменить на истинно библейские, но и тем, чтобы облечь весть Евангелия в доступную и близкую данной культуре форму. Их беспокоит одновременно два вопроса: поведение и мировоззрение. Или: что изменить в мировоззрении и как это сделать, учитывая многоуровневую структуру культуры?

Третий подход, названный некритической контекстуализацией, допускает использование старых форм и традиций без их критической оценки в свете библейского учения. Считается, что все или большую часть того, к чему привыкли люди в своей культуре и прежней религии, нужно сохранить и привнести в новую религию. Оправданием этому подходу является следующее соображение: необходимо учитывать принципы роста церкви и не создавать новых барьеров для человека. Сторонники такого подхода обычно полагают, что именно этот путь и является истинной контекстуализацией. Главное ими видится в том, чтобы привлечь людей в новую религию, сделать для них переход от старого к новому безболезненным и помочь им почувствовать себя комфортно и спокойно, используя при этом старые и привычные формы. Нет нужды говорить о том, что это неизбежно приводит к синкретизму, и две религии начинают сосуществовать вместе. Итак, приверженцы этого метода более всего акцентируют внимание на поведении и форме, чем на мировоззрении и содержании. В действительности же получается так, что не поведение все больше начинает соответствовать мировоззрению человека, а мировоззрение изменяется в угоду его поведения. По поводу этого исследователь Виссерт Хуфт замечает: «В истории церкви мы встречаем больше примеров «сверх-приспособления» к местной культуре, чем «недоприспособления». Часто христианская весть настолько некритично перенимала формы той или иной национальной культуры, что ее настоящее отличие было утрачено в этом процессе»¹⁴.

Проблемы контекстуализации

Î òþòþòàèà ÷àòèí î ðàààèáí í ùò àðáí èò. На сегодняшний день одной из самых больших проблем при адаптации методов, средств и форм евангелизации и богопоклонения к культуре местного населения является отсутствие четко определенных границ этого процесса. Насколько благовестнику следует отождествлять себя с культурой данного народа? Где та грань, за которой теряются христианские принципы и остается только выхолощенная, хотя и знакомая населению форма? Необходимо ли заимствовать старые формы или все-таки предпочтительнее на их основе создать свою, новую и немного отличную? Можно ли, изменив форму, сохранить содержание вести, или изменение формы неминуемо повлечет изменение и содержания?

Анализируя то, как Церковь решает поставленные вопросы, Бертил Виклендер пишет: «Сегодня у Церкви нет генеральной линии в отношении границ контекстуализации при осуществлении ею миссионерской

¹⁴ Visser't Hooft, цитировано по: Хиберт, 214 – 215.

деятельности»¹⁵. Указав на предыдущие попытки ответить на этот вопрос, вышеупомянутый автор взялся дополнить имеющуюся картину. Свою работу он адресует пасторам Церкви Адвентистов седьмого дня В сокращенном варианте мы излагаем основные принципы контекстуализации, сформулированные ученым.

- Сбалансированность, выражающаяся в контекстуальности, подлинности, эффективности и уместности. Распространяется на богословие, этику и церковную жизнь. При этом последние две сферы подразумевают больше возможностей для проявления инициативы местной церковью. Для сохранения единства со всем телом Церкви необходимо взаимодействие с Генеральной Конференцией.

- Цель контекстуализации – это спасение людей, совершающееся через их духовный рост после обращения. Поэтому все нововведения должны работать именно на эту цель, а не становиться просто приспособлением к культуре населения ради самого приспособления.

- Главная задача контекстуализации – это замена ошибочных идей в мировоззрении человека на истинные библейские. При этом важно верить, что люди даже далекой от христианской культуры могут воспринять библейские истины. Виклендер советует знакомить людей с библейскими истинами постепенно, вначале отталкиваясь от знакомых для этих людей религиозных представлений, письменных документов, божеств. Однако при этом необходимо давать им новое истолкование в соответствии с библейским учением о Боге. Также в удобный момент следует рассказать им об Иисусе Христе, даже если это будет для них совершенно незнакомо.

- При переводе Библии на язык данного народа руководствоваться универсальными понятиями и обычаями, которые не должны искажаться. Если при этом наблюдаются расхождения, использовать Библию как эталон. Наша позиция должна выражаться в том, что после установления взаимного доверия и нахождения общих точек соприкосновения, когда у человека начинает наблюдаться духовный рост, мы представляем «истину, какова она есть в Иисусе». Разумеется, что при этом нами должна двигаться любовь к погибающим душам.

- Крещение может быть преподано на раннем этапе обращения человека при условии вовлечения его в специальную программу, направленную на его духовное возрастание и укрепление в вере.

- В основе контекстуализации должна быть Библия. Другими словами, необходимо учитывать то, что средоточием этой книги является Хри-

¹⁵Бертил Виклендер, «Границы контекстуализации в миссионерской деятельности: насколько они гибки и абсолютны? Какими принципами должна руководствоваться Церковь?» Годичное Совещание ГК АСД ЕАД. 1998. С.24.

Во-первых, благовестник должен отдавать себе отчет в том, что по крайней мере часть его представлений о религиозной жизни и практике богопоклонения сформировалась под действием его собственной культуры (субкультуры) или же культуры того человека, от которого он услышал евангельскую весть. Во-вторых, ему следует определиться в вопросе о том, насколько сильно и в чем именно культура слушателей отличается от его собственной. Наконец, в-третьих, важно определить, что в его вестях и представлениях является непреходящим и обязательным для всякого человека, независимо от его культуры, и то, что не имеет принципиальной важности и варьируется от культуры к культуре.

Помимо сказанного выше вестник должен осознать и то, что «опустошение» от собственной культуры необходимо не только для того, чтобы помочь людям после обращения в христианство остаться жителями своей страны и представителями своей нации, но и для того, чтобы стать наиболее эффективным орудием в руках Господа. Вестник должен выступать как бы в роли нейтрального проводника Божественной вести к слушателям. Для того, чтобы эта весть достигла своего назначения, возможные помехи на ее пути должны быть убраны. В таком случае Сам Господь может дать определенное направление решению вопросов, связанных с использованием новообращенными людьми своих культурных форм. Поэтому совет не навязывать людям свою собственную культуру представляется очень актуальным. Гораздо предпочтительней, если новообращенные люди сами (хотя и не без помощи вестника, не говоря уже о Священном Писании) постараются определить необходимые для них и приемлемые в данной местности формы богопоклонения и выражения новых религиозных взглядов.

Чего же можно достичь при таком подходе? Если вестник озадачится этой проблемой и встанет на путь сознательного «опустошения», то он будет способен достичь сразу несколько целей. Во-первых, он становится эффективным орудием в руках Божьих и через него может быть явлена сила Божья. Он станет своего рода «дверью», через которую люди приходят ко Христу. Думается, что именно об этом писал апостол Павел: «Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого; . . . чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией (1 Кор. 2:2)».

Во-вторых. Он отождествляет себя с теми людьми, которым он проповедует, ведь прежде чем слиться с их культурой, нужно в значительной степени освободиться от своей, «чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:22). В этой связи вспоминается пример Христа, который, как написано, «будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» (2 Кор. 8:9, см. также Фил. 2:5–7).

В-третьих, он сможет воспитать группу местных лидеров. Хотя гораздо легче среди представителей другой культуры подготовить себе подобную замену, чем, возрадив их духовно, помочь им остаться жить в контексте родной для них нации и культуры. Не секрет, что именно эта проблема наблюдается в духовных учебных заведениях, открытых для всех, желающих получить религиозное образование и приехавших из различных стран мира. Как справедливо отмечает Д. Хесселгрейв, студент «научился Евангелию от американских евангелистов: он изучал теологию, гомилетику и благовестие на основе английских и немецких учебников, и в большей степени его христианское образование проходило на языке и средствах западной культуры. Неудивительно поэтому, что его благовестию недостает “актуальности для культуры респондента”, хотя культура респондента является в этом случае его собственной культурой»¹⁷.

Ἰ δὲ ἀεὶ ἀ ὀδὲ ἔ ἢ ἰ ἄδᾶἰ ἔϋ. Применяя принципы контекстуализации на практике, неминуемо приходится сталкиваться еще с одной проблемой – проблемой формы и содержания. Под формой в этом случае подразумевается некая устоявшаяся в данной культуре практика. Говоря о содержании, мы имеем в виду ту идею, которая находит свое выражение в этой практике. Вопрос о том, какие формы можно и нужно использовать, а какие нет, возникает в различных сферах религиозной жизни, но прежде всего при переводе Священного Писания, при отправлении религиозных ритуалов, постройке молитвенных домов, установлении порядка проведения богослужений, а также в повседневной жизни христианина: во что одеваться, какие праздники праздновать, какие народные обычаи сохранять и т. д.

Что же необходимо учитывать, чтобы не допустить синкретизма? Если оставить этот вопрос без внимания, тогда сама цель, ради которой это делается – спасение человека – окажется в стороне, а человек вскоре увидит себя в плену путанного синтеза нового и старого.

Итак, если избирается путь критической контекстуализации, то в вопросе соотношения формы и содержания прежде всего необходимо учитывать следующее. Во-первых, следует задаться вопросом: выражением какой именно идеи является данная форма, и какую оценку дает этой идее Священное Писание? Во-вторых, с чем в данной культуре ассоциируется эта форма? Что прежде всего возникает в сознании человека, использующего данную культурную форму? В-третьих, продолжают ли люди дан-

¹⁷ David J. Hesselgrave, «The Role of Culture in Communication» in *Perspectives of the World Christian Movement*, ed. by Ralph D. Winter and Steven C. Hawthorne (Pasadena, CA: William Carey Library, 1981), 396.

ной культуры связывать эту форму с той идеей, которая была вложена в нее изначально?

Кроме того, необходимо помнить о том, что сами формы можно подразделить на несколько категорий:

1. В каждой культуре найдутся такие формы, которые продолжают использоваться, потерявши свое первоначальное значение. Ярким примером тому является празднование Нового года с новогодней елкой, некогда связанное с почитанием языческого божества, но давно потерявшее свое первоначальное значение. Важно заметить, что если форма теряет первоначальное значение, она не может существовать сама по себе и старое значение обязательно будет заменено новым. В этом случае следует сверить уже новое, а не старое значение с библейскими принципами и на этой основе принимать решение об использовании, отвержении или видоизменении формы.

2. Существуют такие культурные формы, которые практикуются в народе, но их прежнее значение частично заменено на новое, а частично оставлено. Такая особенность очень ярко проявляется среди народных форм разных религий, включая такие верования, традиции и праздники, в которых наблюдается сплав прошлых, например, языческих верований, с православной верой. К использованию таких форм нужно подходить очень осторожно, особенно в том случае, если их доминирующее значение очень живо в сознании людей и расходится с библейской позицией. В качестве примера можно привести обряд похорон, совершаемый православными, где сохраняются некоторые элементы языческих верований, но главное значение имеет доктрина бессмертия души.

3. Есть и такие формы, которые продолжают нести в себе то же самое значение, которое было изначально вложено в них, хотя не каждый представитель данной религии или культуры осведомлен об этом. Например, одежда священнослужителей в католической, православной и некоторых языческих религиях резко отличается от одежды прихожан, так как она незримо подчеркивает принадлежность первых к особому классу людей, своего рода «жрецов», осуществляющих посредническое служение между Божеством и людьми. Хотя не все простые люди просвещены в этом вопросе и особенно в том, что с момента смерти Христа на кресте упразднено именно такое посредническое служение человека за человека, тем не менее представляется непоследовательным, с одной стороны, верить в библейскую доктрину о царственном священстве всех верующих и стремиться донести ее до сознания людей, а с другой стороны, в публичных выступлениях, на евангельских кампаниях и тем более в своих молитвенных домах использовать некое

подобие священнических одежд. Что в таком случае мы делаем с мировоззрением человека?

Таким образом, вопрос формы и содержания является далеко непросто-ым. Легче всего проявить равнодушие к устоявшимся в данной культуре формам, как например, это долгое время наблюдалось в Африке, куда белые миссионеры привозили иллюстрированные Библии, где Иисус всегда изображался белым человеком, а дьявол – черным. Применяя принципы контекстуализации на практике, можно попасть во множество ловушек. Одна из них – использовать старую, не согласующуюся с Библией форму, но для своего успокоения сделать «контекстуализацию» в уме. В таком случае человек говорит себе примерно следующее: «делая это, я буду думать о другом». Виклендер описывает в вышеупомянутой статье ситуацию, в которой оказалась после своего обращения из индуизма в христианство одна женщина. Учитывая то, что по законам индусской религии ей ежедневно нужно кадить семейному божеству, он предлагает ей делать это, но в своем сознании изменить идею идолопоклонства на другую идею – способ выражения своей любви и верности мужу, для которого это важно. Но в таком случае может ли быть уверенность в том, что окружающие увидят в этой форме новое содержание, а не свое привычное?

Подводя итог всему сказанному, хотелось бы отметить, что между культурой и религией нельзя поставить знак равенства. Религия – это только один пласт культуры, и если мы стремимся к обращению людей в новую для них веру, наша задача состоит не в перемене одних религиозных традиций и форм на другие, но в том, чтобы изменилось их мировоззрение.

Кроме того, культура изменяется быстрее, чем основные положения традиционной религии. Тенденция быстрого приближения к западному образцу всех общественных институтов (кроме местного религиозного) должна заставить евангелиста тщательно анализировать употребляемые им самим и данным народом формы. Различные возрастные группы также ставят новые задачи перед носителем Евангелия, так как именно здесь кроется опасность отторжения зафиксированной формы.

Но более всего хотелось бы отметить то, что Евангелие – вне культуры, оно не принадлежит ни одной культуре. Именно поэтому оно может быть выражено во всех культурах и всегда должно выражаться через формы культуры. Оно обращено ко всем людям и поэтому ко всем культурам. И поскольку во всех культурах есть то, что является порождением и отражением греха, задача преобразования культуры всегда остается актуальной¹⁸. «Все христиане и все церкви должны постоянно искать ответ на вопрос: что есть Евангелие и что есть культура, и как они соотносятся

¹⁸Hiebert, 53 – 54.

друг с другом? Если мы не сделаем этого, мы в опасности потерять евангельские истины»¹⁹. У нас еще есть время проповедовать, но оно коротко, у нас все еще есть возможность для экспериментов, но нет времени для ошибок.

¹⁹Hiebert, 56.